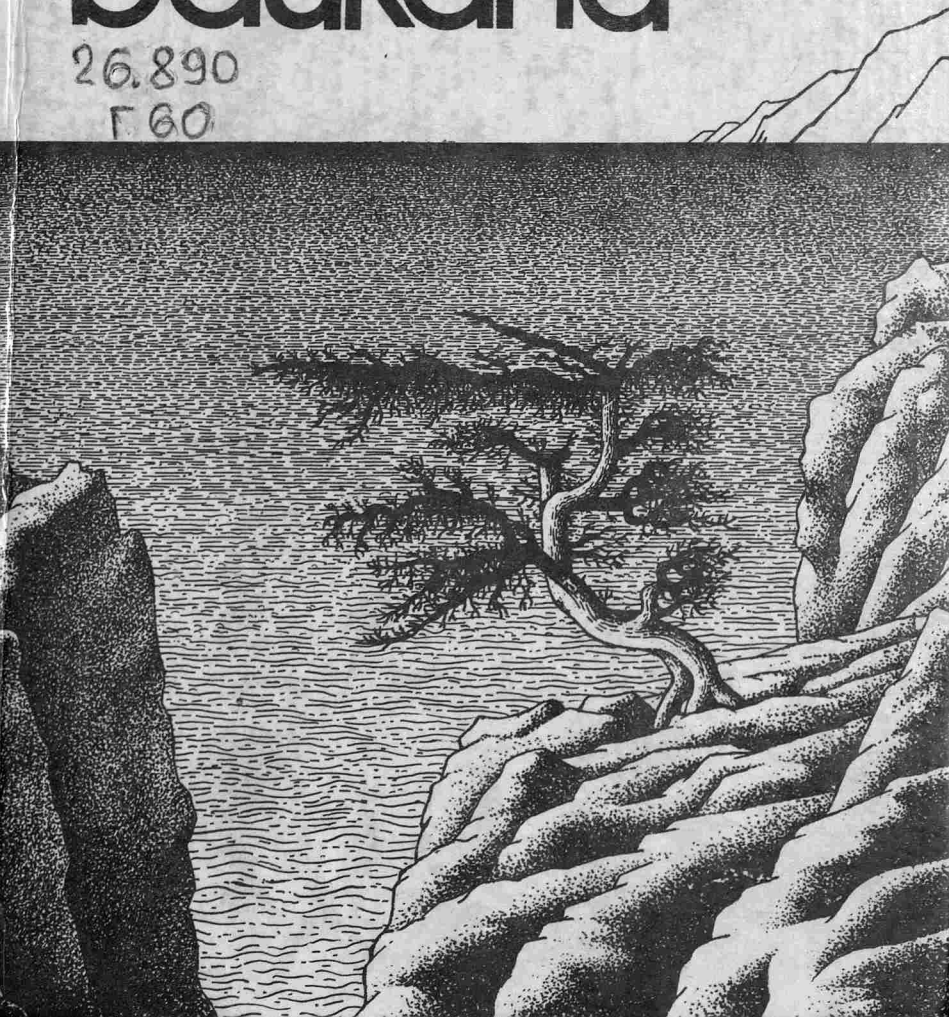

А.И. Голенкова

Снеготымы байкана

26.890

Г 60

26.890

Г 60

А.И. Голенкова

Следопыты байкала

108868:1

Иркутская областная
Библиотека

им. И. И. Молчанова

Иркутск 1986

Восточно-Сибирское книжное издательство

х/м
ММ

Рецензент доктор географических наук
К. К. Вотинцев

Голенкова А. И.

Г60 Следопыты Байкала. Очерки.— 2-е дополн. изд.—
Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство,
1986 — 224 с., ил.
45 к.

Очерки об истории изучения Байкала в судьбах его исследователей — Б. Дыбовского, В. Дорогостайского, Б. Сварчевского, Г. Верещагина, М. Кожова, Д. Талиева и А. Базикаловой, К. Мишарина.

Написанная на основе оригинальных материалов, архивных документов, личных встреч и впечатлений, книга будет интересна массовому читателю.

Г $\frac{1905040000-27}{M141(03)-86}$ 56—86

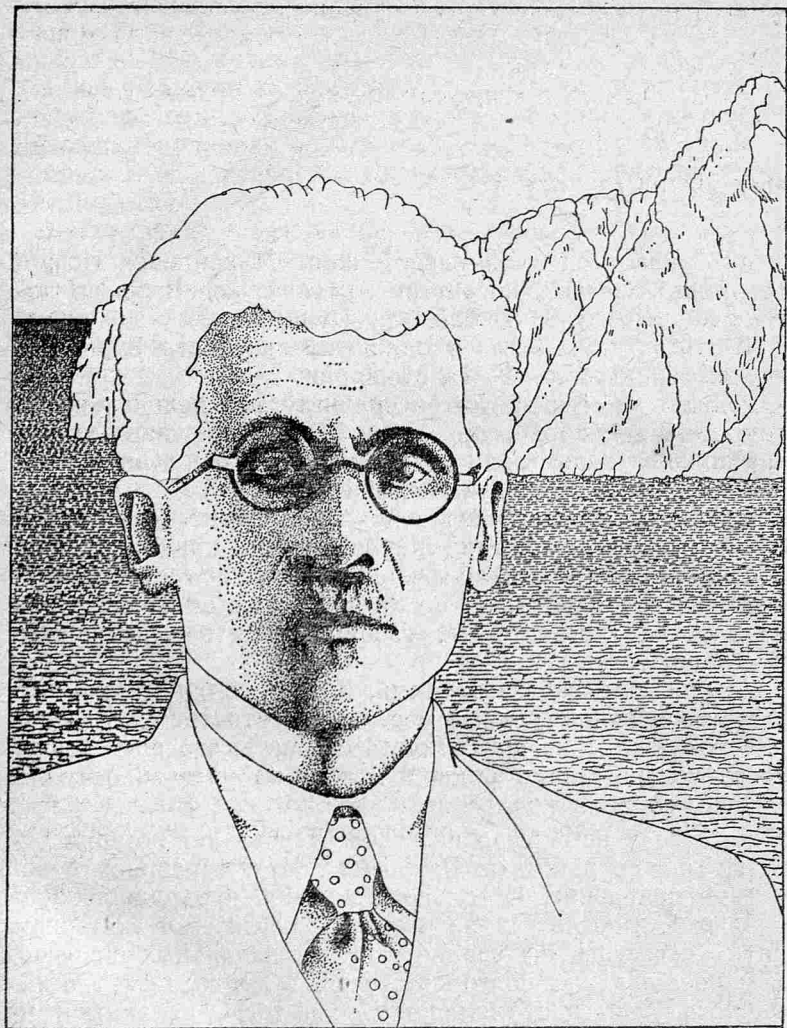
МИХАИЛ КОЖОВ

Среди байкаловедов XX века Михаил Михайлович Кожов был одним из трех, посвятивших всю свою жизнь до последних дней изучению Байкала и университету в Иркутске. В этот «триумvirат» входил еще профессор В. Н. Яснитский и профессор К. И. Мишарин.

Родился и вырос Кожов сравнительно неподалеку от сибирского великого «моря», в небольшой деревне Тутуре, в нескольких километрах от Жигалово. Ныне Жигалово — районный центр, крупный рабочий поселок. Тутура довольно живописно раскинулась в широкой пади между невысокими лесистыми горами, упираясь одним концом в Лену. Здесь река светлоструйная и спокойная, под стать окружающим горам, плавных очертаний. А километров двести вверх Лена стремительна, говорлива на перекатах с ее хрустальными водами.

От природы любознательный, Кожов, должно быть, еще с детства полюбил родные места. С десяти лет он уже начал охотиться. Мне приходилось слышать, что еще в пору своего учительства в родной Тутуре он увлеченно ловил бабочек, собирая коллекции.

Детство у него было нелегкое. Десяти лет потерял отца. Пришлось работать. Разносил почту, «писарил» в волостном правлении. И только самоучкой продолжал образование. Ему было уже за двадцать, когда смог экстерном сдать экзамены на звание учителя начальных классов. Пришлось ехать за полтораста верст в Верхотенск, где находилось городское училище. После того две зимы учи-

тельствствовал в своем селе. А летом урывал свободные минуты, чтобы побыть на природе, понаблюдать.

Все оборвала империалистическая война. Его сразу же забрали в армию, в двадцать седьмой сибирский полк. С ним попал на фронт. А после Октябрьской революции, оставаясь в армии, продолжал учительское дело. Вначале в полковой солдатской школе начальником ее, а потом в дивизионной.

Весна восемнадцатого года застала его в Тутуре — опять учительствовал. Только недолго в этот раз. Осенью Колчак мобилизовал в свою армию. Сбежал из нее в Красноярск. Но там снова угодил в руки колчаковцев, опять оказался мобилизованным. Только вместе с тридцать первым запасным полком удалось ему перейти на сторону красных.

В конце гражданской войны М. М. Кожов инструктор в Верхотенском уезде. В уезде тревожно: то и дело поднимают голову бывшие белогвардейцы, богачи. Живется трудно, голодно. Работы и хлопот у школьного уездного инструктора, как говорят земляки, «сверх глаз».

Но увлеченность природой у него не проходит. Не оставляет и мечта о дальнейшей учебе. Получить бы высшее образование! А после заняться изучением родных сибирских мест. К его счастью, в 20-х годах в Иркутске был открыт университет. Теперь Михаила Кожова ничто удержать не может, даже возраст — ему исполнилось тридцать. В 1921 году он становится первокурсником биофака.

Окончил университет и сразу же поступил в аспирантуру. Перед ним распахнулись двери в науку. Еще в студенческие годы М. М. Кожов попал в добрые руки Б. А. Сварчевского.

Кожов оказался в числе тех, если не первым, кто получил доступ и в лабораторию, и в библиотеку Бориса Александровича. А вскоре почувствовал его особую опеку. В 1924 году профессор передает студенту-четверокурснику

свою небольшую коллекцию губок, собранных в окрестностях Иркутска, для обработки и описания.

Чтобы пополнить полученную от Сварчевского коллекцию, Кожов летом отправляется вниз по Ангаре к устью Унги. Находит до двух десятков губок разных форм. Первая самостоятельная поездка — первая удача! После нее едет на южный берег Байкала. Ведет поиски от станции Култучной до Мурино. Ищет упорно, но впустую. В чем же дело? Наконец понимает: «Все эти речки имеют типично горный характер, весьма бурны, особенно после дождей и, очевидно, мало благоприятны для заселения и развития в них таких хрупких организмов, как губки». После этого ищет уже не вслепую и вполне вознагражден. Собственного материала в его руках скапливается достаточно, кроме того, Борис Александрович дополнил его несколькими губками, найденными в то же лето в старице Иркутска, да П. В. Тихомиров передал свои сборы из реки Мальтинки.

Кожов принялся за обработку коллекции. В ней было восемьдесят семь экземпляров, причем разных видов и разновидностей. После кропотливой длительной работы сделал описание результатов по всем правилам. Статью назвал: «Очерк по фауне пресноводных губок Иркутской губ. и Прибайкалья». Свою первую научную работу он закончил словами: «Несомненно, что эти «материковые» байкальские формы попали в Байкал из впадающих в него речек, но здесь, под влиянием особых условий, они изменились настолько, что лишь с большим трудом можно проводить какую-то аналогию между ними и формами, живущими рядом с ними на материке». Работу напечатали. Первый шаг в науку сделан! В начинающем исследователе определилась «поступь» будущего крупного ученого. В 1925 году он провел все лето на Байкале в составе экспедиции. Первая в его жизни! Тоже незабываемая. С этого года он как ученый связал судьбу с Байкалом до конца дней своих.

Экспедиция была организована Биолого-Географичес-

ким научно-исследовательским институтом при Иркутском университете. Работы велись в районе Ольхонского пролива, его бухт и прилегающих частей Малого моря. Молодые сотрудники В. Буров, М. Кожов увлеченно занимались исследованием животного мира, а В. Яснитский изучал растения пролива. Здесь они открыли особую жизнь, так не похожую на жизнь в открытом озере.

Первые экспедиционные исследования на Байкале навели М. М. Кожова на серьезные размышления. Особенно заинтересовали его моллюски. Оказалось, «типичная форма Л. сатирикус указывается, по-видимому, пока лишь для М. моря. Другие формы сатирикус встречаются к северу, и нам неизвестно ни одного указания на нахождение их южнее Ольхонского пролива, с одной стороны, и Чивыркуйского залива — с другой. Примерно то же самое можно сказать и о распространении Агриодрилюс вермиворус. С другой стороны... мы не находим в Ольхонском проливе и в М. море, а также к северу от него такого характерного байкальского эндемика, как моллюск Лиобайкалия стидэ, свойственного лишь южной части Байкала». Не ведал он тогда, что со временем знаменитая Лиобайкалия станет для него предметом пристального внимания, раздумий и волнений.

«Все приведенные здесь факты показывают, что фауна Байкала к югу от М. моря в общем заметно отличается от фауны М. моря, а эта последняя стоит ближе в общем к северобайкальской, чем к южнобайкальской, т. е. намечается какая-то «граница» между северной и южной частями Байкала, которая проходит для западного берега у Ольхонских ворот...

Существование указанной «границы» говорит как будто за то, что, может быть, в недалеком прошлом фауна южной и северной части Байкала оставалась некоторое время изолированной друг от друга. Но понятно, что более уверенное заключение об этом может быть сделано лишь после детального ознакомления с характером фауны

всего Байкала и сравнительного изучения условий жизни обитающих в разных его районах животных форм. Богатый материал, имеющийся по этому вопросу в Академии наук СССР и в других учреждениях, в том числе и у Биолого-Географического института, находится в настоящее время еще в стадии обработки». Вот как прозорливо он заглянул в прошлое изучаемой фауны, едва начав свою биографию ученого! Уже при первом основательном знакомстве с Байкалом М. М. Кожов открыл в нем «золотую жилу», разработке которой посвятил годы. А в итоге написал монографию «Моллюски озера Байкал». Но прежде, закончив в 1929 году аспирантуру, он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «К познанию фауны Байкала, ее распределения и условий обитания».

С 1931 года начался стремительный подъем по «служебной лестнице». После смерти Сварчевского Кожов принял заведование кафедрой зоологии беспозвоночных, стал директором Биолого-Географического научно-исследовательского института при Иркутском университете. Институтом руководил с перерывами тридцать два года, а кафедрой — тридцать семь лет.

В 1932 году Михаил Михайлович получил звание профессора. А через пять лет защитил докторскую диссертацию: «Моллюски озера Байкал». Работа над нею привела к определенным теоретическим выводам. Например, к такому, что в прошлом Байкал не был единым водоемом — северная и южная его половины долго оставались разобщенными — и что моллюски Лиобайкалии, сидящие в раковинах, удивительно напоминающих штопор, возникли в самом сибирском «море»; вне его на земле они не встречаются. Хотя доказательств Михаил Михайлович пока не имел, он не сомневался в «местном» происхождении Лиобайкалии. Предки ее тогда еще не были найдены. Другие палеонтологические находки того времени были слишком бедны, они мало о чем «говорили». Приходилось терпеливо ждать новых. Видимо, работая над своей докторской дис-

сертацией, М. М. Кожов «заболел» проблемой происхождения животного и растительного мира Байкала.

Мне довелось слушать лекции Михаила Михайловича в 1936 году. Высок, по-юношески строен, собран, сдержан в словах и жестах. Его черные волосы вились крупными кольцами над высоким лбом. Взгляд карих открытых глаз обычно бывал серьезно сосредоточенным. Он привлекал той внутренней красотой мысли, что ли, следы которой отражались обычно на его лице. Именно следы. За ними угадывалось нечто большее, но скрытое от посторонних глаз.

Пришлось мне быть невольной свидетельницей того, как он трудился. Будучи студенткой второго курса, я стала работать в лаборатории генетики М. А. Иванова. Частенько я засиживалась одна до полуночи, а ранее одиннадцати никогда не уходила. Уходя из лаборатории, нередко видела, как Михаил Михайлович закрывает свой кабинет и, не замечая ничего вокруг, неторопливо спускается по лестнице, охваченный какими-то думами. Он продолжал трудиться «на ходу» после своего второго рабочего дня, а первый был заполнен чтением лекций, административными делами и часто работой с микроскопом.

В дневный часы мне не однажды приходилось наведываться к нему в просторный кабинет, заставленный шкафами вдоль стен и несколькими столами посредине. За последним он работал. Обычно заставляла одно и то же: над микроскопом склоненная голова Михаила Михайловича, кудри спадают на лоб. При появлении постороннего голова приподымается, рука не спеша характерным движением сдвигает очки на лоб. На лице такое выражение, будто человек еще не совсем очнулся от каких-то увлекательных видений. Но не досадует, что помешали. Терпеливо ждет, зачем к нему пожаловали. Едва окончив разговор с неожиданным посетителем, Михаил Михайлович водворяет очки на место, один глаз прищурен, второй припал к окуляру, и голова вновь замирает над микроскопом. Таким он и запомнился.

Уже на четвертом курсе мне довелось монтировать насекомых, собранных на летней практике. Я занималась в укромном уголке Байкальского музея, отгороженном двумя шкафами у стены, смежной с кабинетом Михаила Михайловича. Снова засиживалась допоздна. Иногда выходила через профессорский кабинет, если дверь в музей успевали запереть из коридора. Снова видела склоненную над микроскопом голову ученого. На висках ее начинала уже пробиваться седина.

Сидя за шкафом, как-то вечером услышала хохот Михаила Михайловича. Он был раскатистый, громкий. Ко мне из-за двери его кабинета отчетливо несло безудержное «ха-ха-ха!». Это он с кем-то из сотрудников. Будто и сейчас слышу это раздельное «ха-ха-ха!». А вот улыбки его не помню.

Над чем он в те дни работал, размышлял? Не подозревая того совершенно, я, оказывается, была современницей больших научных событий, которые происходили в тиши профессорского кабинета и на берегах Байкала. Тот самый Г. Г. Мартинсон, который разочаровал своими находками профессора Верещагина — ископаемые моллюски оказались не морскими, — отправился с ними к профессору Кожову. Вот как он описал эту встречу: «Когда, войдя в его огромный кабинет в Иркутске, я показал ему найденных третичных байкалийид, он прямо-таки подскочил. С большим вниманием он рассматривал под биноклем окаменелости. Кожов сразу понял огромное значение находок. В своих ранних работах этот ученый высказал соображения, что байкалийиды возникли в самом Байкале, ибо в иных водоемах они отсутствуют. Ископаемые байкалийиды мало чем отличались от современных форм и были поэтому особенно интересны Михаилу Михайловичу. «Это действительно самые настоящие байкалийиды! — говорил профессор, — вот бы еще найти штопоровидную раковину Люобайкалий!» Это его пожелание я мог удовлетворить и, вынув из коробочки третичную Люобайкалию, положил ее под

лупу. Тут Михаил Михайлович пришел в полный восторг».

В восторг привели Кожова не только находки ископаемых моллюсков на юго-западном побережье Байкала. Мне представляется, как за год до Г. Г. Мартинсона в кабинет Михаила Михайловича влетел его бывший ученик Ф. Б. Мухамедиаров, начальник экспедиции, побывавший на Ципо-Ципиканских озерах. Размахивая руками и вытирая от волнения платком пунцовое лицо, он заговорил радостно-возбужденно. За ним вошел, улыбаясь, и встал тихонько в сторонке сотрудник экспедиции «молчальник» Г. Гаврилов. Путешественники выложили перед своим учителем бычков Кесселери и Кнери из рода Коттус, известных до того только в Байкале да в реках, связанных с ним. Кроме того, они передали много проб, взятых со дна озер Баунт и Бусани, расположенных в верховье Витима.

Дальше было вот что, как рассказал мне о том А. А. Томилов:

— Привезенные пробы уложили здесь вот в такой «гроб», — он показал на крашеный металлический ящик с черной надписью «Бентос». — А потом началась война — не до них было...

Первой заинтересовалась этими пробами А. А. Линневич. Она искала в них личинок хирономид (комаров толкунцов). И вдруг обнаружила существо, ей мало знакомое. Сидело оно в малюсенькой трубочке, само миллиметра три в длину, а на переднем конце его венчик из жабр. Понесла она находку профессору Кожову.

Едва Михаил Михайлович рассмотрел его, как пришел в восторг. Это был многощетинковый червь Манаюнкия байкалензис, тот самый знаменитый, из-за которого ученые годами ломали копья в яростном споре. Все родичи его живут в морях или в солоноватых водах прибрежных вод. Манаюнкия байкалензис водилась только в Байкале — в глубине Азиатского материка. Она стала настоящим яблоком раздора для ученых, потом ее обнаружили в Ангаре, нашли в морской Гыданской губе между Обью и Енисеем,

затем в 1940 году — в озерах Хайсенто и Ямбуто, расположенных в 100—150 километрах к югу от Гыданской губы.

После обнаружения Манаюнкия в пробах из озер Баунт и Бусани (бассейна реки Ципы и Ципикана) их начали тщательно изучать. В 1942 году Кожов напечатал статью. В ней он писал: «Сравнение полихеты из Ципо-Ципиканских озер с байкальской М. байкалензис указывает на несомненную принадлежность ее к байкальскому виду. Эта находка представляет значительный зоогеографический интерес, так как М. байкалензис до сих пор ни в одном из озер Забайкалья и Прибайкалья не была найдена». Редкая находка навела Кожова на серьезные раздумья: «Можно было бы предположить, что наличие М. байкалензис в Ципо-Ципиканских озерах указывает на какое-то бывшее широкое распространение этого вида и его ближайших родственников в пресных водах Азии; в настоящее же время они сохранились лишь в немногих местах.

Мнение о широком распространении в плиоценовое время М. байкалензис уже давно было высказано Л. С. Бергом. Логическим следствием такого взгляда было бы допущение, что М. байкалензис в озерах Баунт и Бусани является остатком широко распространенной неогеновой фауны Евразии и, в частности Сибири, вымершей всюду, кроме немногих мест. Однако такое решение вопроса о М. байкалензисе, как и многих других элементов коренной байкальской фауны, по моему мнению, вряд ли является правильным. Современное распределение видов рода Манаюнкия, как правильно отмечает Г. Ю. Верещагин (1940), говорит о более сложной истории всей этой группы». Он предполагал: байкальская манаюнкия вполне могла распространяться по рекам, судя по тому, что из Байкала по Ангаре и Енисею проникла к побережью Ледовитого океана. Такое расселение ее в настоящем — не в пользу взгляда о широком ее распространении в прошлом. «Если это так,— заключил он,— то М. байкалензис, обитающую в озерах бассейна Витима, следует считать остатком

специфической байкальской фауны, но не остатком широко распространенной древней пресноводной фауны Сибири». Это был прямой вызов академику Л. С. Бергу. Но обоснован ли он? Расселение манаюнки по рекам в прошлом могло идти в обратном направлении. В таком случае верен взгляд Берга.

Кожов начинал свои исследования на Байкале в те годы, когда разгорался спор между Бергом и Верещагиным. Естественно, он не остался равнодушным к нему. Еще в 1936 году Михаил Михайлович писал: «Однако предположение, что фауна Байкала... это преимущественно реликтовая плиоценовая... не может, по нашему мнению, служить единственной путеводной нитью в поисках корней ее отдельных групп и выяснения их истории. А не может потому, что в недавние времена обнаружены ископаемые остатки губок Любомирскийид и моллюсков рода Байкалия из пластов более древних, чем плиоценовые. Самое удивительное то, что они решительно ничем не отличаются от современных своих сородичей и не были найдены в пластах плиоценовых или более поздних. Вывод-то напрашивался сам собой.

Михаил Михайлович выразил его такими словами: «Все это дает право заключить, что уже к середине третичного периода байкальская фауна была в основном не только сформирована, но и обособлена, т. е. ограничена районом Байкала или водоемов, непосредственно или преемственно с ним связанных».

Выходит, корни байкальской фауны куда более древние, чем предполагал Берг. Но ведь он приводил немало примеров родства нынешних байкальских животных с плиоценовой фауной бассейнов Евразии и Северной Америки. Как быть? Михаил Михайлович изучает самым скрупулезным образом внутреннее строение тех моллюсков, на которых указывал Берг как на родственных каспийским и другим. Корпел не один. Ему помогали его ученики. Выяснилось, что родства-то на самом деле нет.

Но... М. М. Кожов признавал: «Имеются отголоски родства между современной фауной гаммарид (бокоплавов — А. И.) Байкала и Каспия, между видами полихет рода Манаюнкия... между байкальскими моллюсками семейства Бенедиктине и родом Литоглифус из водоемов Юго-Восточной Европы, связанных с Понто-Каспийским бассейном». В отличие от Берга он не считал, что в Евразии во времена плиоцена везде в континентальных водах водились эти животные. А потом-де в ледниковое время вымерли повсюду, кроме Байкала да Понто-Каспия. Нет, Михаил Михайлович убежден: корни этого родства уходят в более глубокую древность.

Плиоцен — это ярус верхнетретичного периода кайнозойской эры. А с начала этой эры минуло уже шестьдесят миллионов. Значит, потомки байкальских эндемиков «имеют за плечами» десятки миллионов лет. В этом Михаил Михайлович уверен был абсолютно, разделяя мнение Г. Ю. Верещагина.

Несмотря на то что М. М. Кожов почти всю жизнь «болел» проблемой происхождения животного мира Байкала, он не смог создать собственную оригинальную теорию. Может, потому, что другие в этом опередили его. На склоне лет он целиком разделял точку зрения Л. С. Берга о пресноводных корнях байкальской фауны. По словам А. А. Томилова, Михаил Михайлович «был более убежден в том, что истоки эндемичной фауны Байкала лежат в глубине миллионов лет существования самого озера без всякой связи с морем».

...После Отечественной войны до конца жизни Михаил Михайлович не выпускал пера из рук. В этот период им написаны самые крупные работы обобщающего характера, подводящие итог труда байкаловедов за целые периоды. Это популярная книга «Байкал и его жизнь», монография «Животный мир Байкала» и выдающийся труд «Биология озера Байкал». В последнем дано обозрение всего сделанного за историю исследования озера до 60-х годов

нашего столетия. Книга была переведена на английский язык и получила широкий отклик во всем мире.

Кроме литературного труда М. М. Кожов в послевоенные годы занимался изучением байкальского планктона — сообщества мелких и микроскопических существ, парящих в толще воды. Байкальский планктон был основательно изучен еще до 1930 года известными альгологами (специалистами по водорослям) К. И. Мейером, В. Н. Яснитским, частично А. П. Скабичевским — начинающим в то время ученым. М. М. Кожова планктонные организмы интересовали прежде всего как корм рыб, особенно омуля, его запасы и урожайность по годам. Он получил «ряды урожайности фито- и зоопланктона, пока единственный материал для установления связей с геофизическими факторами, позволяющими осуществить прогноз». И в этом его особая заслуга.

В последние годы жизни Михаил Михайлович занялся исследованием непривычным — о влиянии проток на фауну Байкала. В очередном годовом отчете, законченном за несколько дней до смерти, он писал: «Байкал с его красочной природой, кристальной чистотой вод и уникальностью органического мира целесообразно использовать не для разворачивания химической промышленности, а как источник чистой воды, а также для нужд туризма и отдыха трудящихся... Байкал должен быть сохранен для будущих поколений как неповторимое явление на нашей планете». Эта его мечта воплотилась в жизнь. В июне 1971 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мероприятиях по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств бассейна озера Байкал».

4 ноября 1968 года М. М. Кожова не стало, но и после смерти Михаил Михайлович не расстался с Байкалом — он покоится на берегу его, в Больших Котах, где в молодости вместе с рабочими строил и оборудовал исследовательскую станцию — любимое детище свое.